

Юнусов Ш.Э.

УДК 821.512

**К ВОПРОСУ О «КАРТИНЕ МИРА» В КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ПРОЗЕ
НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА**

Актуальность. Вопрос о творческом поиске писателей для изображения самобытности определённого народа в последние десятилетия вызывает усиленное внимание литературоведения, поскольку позволяет представить общественный и личностный опыт национальной жизни. Произведения, в которых авторы вознамерились создать выпуклую «картину мира» в этнонациональном контексте и соответствующий ей изобразительный ряд, потребовали иного художественного подхода. Однако в крымскотатарском литературоведении изучение этого аспекта представлено аморфно.

Постановка проблемы. Необходимость обращения к обозначенной теме обусловлена стремлением выявить особенности авторского подхода для ответа на вопросы «Кто мы? Какие мы?», «О чём рассказать миру, чтобы выразить своё неповторимое, а, следовательно, национальное «я»? [1] Рассматриваемые произведения названных ниже крымскотатарских писателей – наиболее удачные примеры для презентации соответствующего опыта.

Объектом исследования является историческая проза Шамиля Алядина и Гюнер Акмоллы, созданная на стыке веков. **Предмет исследования** - художественные приёмы в изображении национальной «картины мира» и выявление причин творческого импульса авторов.

Преследуемая **цель** – рассмотреть вопрос о художественной форме в части изображения писателями специфических особенностей духовно-мировоззренческого наполнения, быта, уклада жизни, обычаев крымскотатарского народа. В контексте этого предстоит решить следующие **задачи**: выявить в произведениях моменты специфических константов в мировоззрении народа, показать роль литературного самовыражения в раскрытии «национального экзистенциала».

Исследование проводится на основе типологического и герменевтического **методов**.

Основной материал. Крымскотатарские писатели, творческая зрелость которых пришлась на период конца XX – начала XXI веков, осознавая свою ответственность за сохранение национальной самоидентификации в условиях складывающейся социально-политической ситуации, начали задумываться о стимулировании эволюции художественного мышления. Возрожденческие думы были вызваны обеспокоенностью за сохранение и развитие родного языка, культуры, литературы, искусства. Процесс, направленный на пересмотр национально-этнического самосознания, деформированного вследствие исторической драмы крымскотатарского народа, должен был способствовать пробуждению интереса к истокам. Поэтому, понимая, что народ, лишённый духовного родства с предшествующими поколениями, может лишиться исторической национальной памяти и, соответственно, опоры, прозаики ощущали потребность в иных приёмах и методах художественного осмысления исторической действительности. Так, произведения, где без оглядки на идеологическую заданность воссоздавался национально-этнический мир с учётом национального характера, специфического этнонационального опыта, их исторической обусловленности, стали создавать Шамиль Алядин, Таир Халилов, Урие Эдемова, Гюнер Акмолла и др. Например, если Шамиль Алядин (1912 - 1996) - автор более 70-ти прозаических полотен - ещё в 1979 году в повести «Иблисиниъ зияфетине давет» («Приглашение к дьяволу на пир») сумел связать индивидуальную неповторимость личности с этнической психологией своего народа, то в историческом романе Гюнер Акмоллы «Татарлар» («Татары», Румыния, 2008) сделана попытка раскрытия особенностей национального менталитета в реальном историческом времени, где герои произведения предстают психологически убедительными и исторически правдоподобными.

Шамиль Алядин ценен, прежде всего, своей миссией, направленной на раскрытие судеб крымскотатарского народа. Человек из крымской глубинки, он в своих наиболее зрелых произведениях поделился воспоминаниями о своём селе, её окрестностях, думами о далёкой и близкой истории Крыма. Создавая образ Усеина Шамиля Тохтаргазы – прототипа реального исторического лица, крымскотатарского поэта-демократа конца XIX – начала XX века, автор повести «Приглашение к дьяволу на пир» занят поиском ответа на вопрос о роли лидера в историческую эпоху. Как известно, пилотный вариант отмеченной повести Шамиля Алядина был опубликован в литературном альманахе «Йылдыз» («Звезда») в 1978-79 годах. Произведение сразу вызвало живой интерес среди читателей как «первое» полотно, задавшееся целью «представить крымскотатарскую тематику через показ определённой страницы из нашего социального прошлого, из хода общественной мысли» [2, С. 95]. Примечательно, что старейший крымскотатарский учёный-языковед Усеин Куркчи, поделившийся своими замечаниями и пожеланиями, рекомендовал автору «Приглашения к дьяволу на пир» придать динамики главному герою повести посредством его близости к народу, поскольку Усеин Тохтаргазы был человек передовых взглядов, что не могло не требовать от него активного включения в дебаты по вопросам социально-политического устройства общества. И эти события должны были раскрываться непременно на фоне Бахчисарайских реалий. Отдельные замечания Усеина Куркчи касались поведения и внешнего облика главного героя повести. Он, в частности, рекомендует обратить пристальное внимание на эпизод, где главный герой, идя по улице города, ест калач, чего, согласно местного этикета, Тохтаргазы-учитель допустить не мог. При издании повести в отдельном сборнике Шамиль Алядин учтёт эти пожелания, и отмеченный момент получит следующее описание:

«...Учитель долго шарил в кармане, но никак не мог отыскать мелкую монету. Из-за одного пирога не хотелось менять крупную купюру.

- А калач есть? – спросил он; уйти, ничего не купив, ему было как-то неловко.

- Есть! Штука – всего четыре полушки.

Две копейки у него нашлись, и он выложил их перед мальчиком. Получив обёрнутый в бумагу горячий калач, сунул его в карман. Выйдя из пекарни, едва удержался, чтобы тут же не вынуть из кармана пахучий, присыпанный маком калач и не откусить, но ему казалось, что все встречные смотрят на него, скажут, чего доброго: взрослый человек, а ест на ходу, как ребёнок...» (в переводе Эмиля Амита) (2, с. 276). Как явствует, писатель стремится быть осторожным в вопросах соответствия литературного и реального характера, тем самым высвечивая внешние категории национально-этнического составляющего. Таким же путём идёт Гюнер Акмолла - представитель крымскотатарской диаспоры Румынии. Её роман – «свежеиспечённое» произведение, и поэтому аналитические статьи о нём пока ещё не позволили себя обнаружить. Это, видимо, обусловлено тем, что роман «Татары» пока ещё не успел получить широкого географического распространения. К тому же, определённую сложность при её чтении вызывает стиль произведения, где изобилуют лексические особенности степной зоны Крыма (в сопоставлении с современной литературной нормой крымскотатарского языка) с присовокуплением отдельных турецких слов, и где, надо полагать, сказывается влияние румынского синтаксиса. Конечно, длительное отсутствие условий для сохранения, изучения и развития ногайского диалекта крымскотатарского языка как основного средства общения диаспоры Румынии не в последнюю очередь сказались на её состоянии, однако именно этот «вакуум» долгие годы способствовал недопущению в языковую ткань не свойственных её природе слов и выражений, оберегал его от деформаций под влиянием культур соседних народов. Как следствие, роман «Татары», изображающий особенности социально-политических реалий второй половины XIX – первой половины XX века в контексте национально-культурного развития крымскотатарской диаспоры Румынии, оказался насыщенным пословицами и поговорками, меткими народными высказываниями, примерами из быта, традиций, обычаев, словом, теми ценностями, которые демонстрируют неповторимость конкретного народа, и то, что придаёт произведению особый национальный колорит. Это литературное самовыражение автора отразилось в следующей формулировке: «...*Zaaten qırımtatarları vatandan alğan terbiyelerimen Dobrucada bile yaşayışların ileri süreler eş deniştirmeden tertipni, belki de qorqıp modernizma ketirebilir yaman uzaqlaşmaqnı ya da unutmaqnı. Ekisi de tehlikeliday korine milletin irimesine dair ileride... Vo uzaq ve yabancı cerlerde er şiy bolar*» [3, с. 73] («...Крымские татары даже в Добрудже придерживаются тех обычаев, которые соблюдались на родине, причём, не изменяя его последовательность (последовательность обычаев, связанных со свадебными обрядами – Ю.Ш.) ввиду опасения возможных модернистских влияний, чреватых отдалением от корней или беспамятством. Они кажутся опасными на пути дальнейшего самосохранения народа... Всего можно ожидать в этих далёких от родины и чуждых местах»). Создается впечатление, что литература интуитивно угадывает опасность, таящуюся для народа (тем более - диаспоры) в процессе глобализации, и ищет пути противостояния ей. Поэтому в романе живо представлены субстанциональные моменты, которые являются естественными для духовности, культуры народа, являются результатом её исторического развития, составляют основу его существования и неповторимости, которые объединяют народ: это обряд сватания («*Pencerege barmaq*», «*cigit ve qızni soruşturmaq*»), порядок встречи гостей, где знаком особого расположения служит угощение чебуреками («*Musafir – Alladan*»), коллективная помощь в работе по строительству дома («*Talaqa*»), которые в рамках большого эпического полотна получают более выпуклую и полную многообразия красок форму. Центральным образом романа является Аджы Фазыл, в характере и действиях которого сконцентрирована авторская концепция культа крымскотатарского мужчины. Это человек, которому нельзя перечить, семьянин, за которым всегда остаётся право принятия решения, мужчина, на котором держится семейное благосостояние, лидер, обеспечивающий равновесие в обществе...

Как говорил Джафер Сейдамет, «беспамятство – колыбель трагедии народа». Истинных художников слова такая перспектива не впечатляет, поэтому они пытаются донести до читателя свою тревогу, чтобы новые возможности не нивелировали базовую национальную принадлежность.

Крымскотатарская проза новейшего периода располагает произведениями, создающими неповторимую этнонациональную «картину мира». Однако эта тема нуждается в системном исследовании, поскольку она является одним из определяющих в изучении художественно-формальных возможностей литературы в рассматриваемом нами русле.

Источники и литература:

1. Суюнова Н. И жизнь продлится / Н. Суюнова. – Ставрополь, 1999. – 152 с.
2. Шамяля Алядин. Сайлама эсерлер / Шамяля Алядин. – Симферополь : Крымчупедгиз, 1999. – 624 с.
3. Akmolla Güner. Tatarlar / Güner Akmolla. – Добруджа, 2009. – Т. 1. – 303 с.